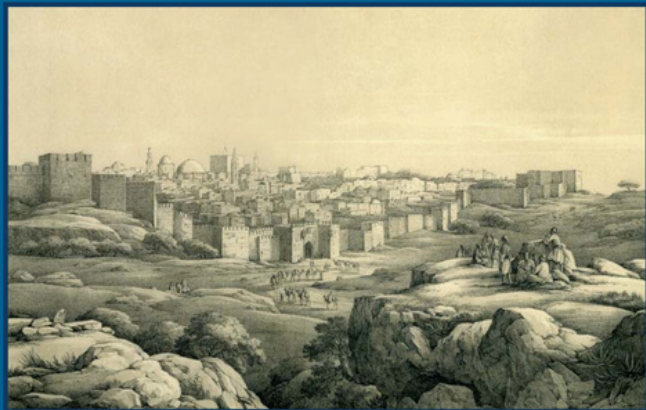

ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА РУМАНОВСКАЯ

ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ В ИЕРУСАЛИМ

в 1830–1831 и 1861 годах

«Индрик» 2006

Елена Леонидовна Румановская

Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10443969

Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах: Индрик;

Москва; 2006

ISBN 5-85759-380-8

Аннотация

В книге впервые печатаются два рукописных дневника путешествий в Иерусалим: первый, 1830–1831 гг., принадлежит некоему Стефану, принявшему постриг и имя Серапион в Иерусалиме, второй – племяннику А.С. Норова Николаю Петровичу Поливанову (1832–1909), сопровождавшему бывшего министра просвещения России в его втором путешествии в Палестину (1861). Издание включает в себя исторический очерк, исследование знаковых ситуаций русских паломничеств в Иерусалим и обширный комментарий, в котором эти дневники сопоставляются с текстами путешествий А.С. Норова, А.Н. Муравьева, инока Парфения и др.

Содержание

Предисловие	5
Краткий исторический очерк	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40
Комментарии	

Елена Румановская

Два путешествия в Иерусалим в 1830– 1831 и 1861 годах

© Румановская Е.Л., 2006

© Издательство «Индрик», 2006

Предисловие

Два рукописных дневника, впервые публикуемых здесь, дают возможность дополнить картину русских паломничеств-путешествий в Иерусалим в очень значимые исторические периоды.

Первый дневник, принадлежащий некоему Серапиону, «до пострижения именовавшемуся Стефаном», подробно повествует об этапах путешествия в 1830 году из Санкт-Петербурга обычным путем русских паломников – через Одессу и Константинополь – в Иерусалим, где и заканчивается описанием иерусалимских христианских достопримечательностей и пострижением Стефана в монахи греческого Патриаршего монастыря. Любопытны в этом дневнике не только непритязательные описания всего виденного и имена представителей православного духовенства, но и факт представления автора перед путешествием императору Николаю I в Петербурге 22 апреля 1830 г. (с ним была послана и какая-то записка графу М. С. Воронцову в Одессу), а также само время его паломничества – вскоре после окончания греческого восстания, очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира. Автор упоминает о том, что он вместе с 20 русскими был в первой группе паломников, посетившей Иерусалим после девятилетней войны, имея в виду войну за освобождение Греции.

Второй дневник принадлежит перу человека из другой среды – Николаю Петровичу Поливанову (1832–1909), племяннику А. С. Норова, сенатора и бывшего министра просвещения России, поэта, переводчика и собирателя древностей. В путешествии 1861–1862 гг. Поливанов сопровождал Норова, побывавшего в Палестине два жд ы, после чего им были написаны его известные книги «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (вышла тремя изданиями в 1838, 1844 и 1854 гг.) и «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А. С. Норова» (опубликована уже после смерти автора под редакцией В. Н. Хитрово в 1878 г.). Публикуемый «Дневник» служит дополнением и пояснением ко второму путешествию Норова.

Таким образом, перед нами два свидетельства путешествий, написанные: одно – неизвестным монахом, другое – человеком образованным, любительски занимающимся и рисованием, и археологией, и литературой. Их записки, разделенные протекшими между путешествиями 30 годами, во многом совпадают, так как оба путешественника относятся к той же православной христианской традиции и видят те же архитектурные строения, но разнятся уровнем восприятия, кругозором и средой общения, в первом случае – монашеской, во втором – смешанной, в которой и высшие иерархи православной церкви, и бывший правитель Сербии Александр Карагеоргиевич, и знаменитые ученые: немецкий египтолог Генрих Бругш или русский офтальмолог доктор

Эдуард Андреевич Юнге.

Кроме того, в самом Иерусалиме и вокруг вопроса о «святых местах» именно с 1830 до 1861 года произошли большие изменения. От Адрианопольского мира 1829 г., закончившего выгодно для России турецкую войну, до Парижского трактата 1856 г., завершившего разгромную Крымскую (Восточную) войну, положение России в мире и в Святой Земле, покровительницей которой она себя считала и называла, серьезно изменилось. В самой России сменился царь, при Александре II начались кардинальные реформы социального устройства (крестьянская, военная, реформа судопроизводства и другие), в Палестине с 1847 г., когда была образована Русская Духовная миссия, усилилось русское присутствие, выразившееся в покупке земель, строительстве Русского подворья в Иерусалиме, увеличении потока паломников. В 1820-е гг. до Палестины добиралось не более 200 русских паломников в год, в 1840-е гг. число их увеличилось в два раза, в 1859 г., незадолго до приезда Н. П. Поливанова и А. С. Норова, паломников из России было уже 950 человек в год, а позже их число дошло до 1098 человек в 1866 г. и до 2035 в 1869 г. (позже количество паломников только увеличивалось, вплоть до Первой Мировой войны, дойдя до 12 тысяч человек, праздновавших в Иерусалиме Пасху 1912 года)^[1].

Если Стефан-Серапион видит Иерусалим только в стенах Старого города, то Н. П. Поливанов застаёт Иерусалим

на новом этапе – вышедшим из крепостных стен XVI века. Он упоминает уже и еврейский квартал «Мишкенот-Шеананим» («Мирные жилища», или «Обитель безмятежных», 1858–1860), и Русское подворье (1859–1863). Иерусалим с 1830 г. расширился не только географически, но и «политически» – в нем появились религиозные миссии и консульства многих стран, претендовавших на влияние или хотя бы на присутствие в Святой Земле, что также отмечает Поливанов. Иерусалим при нем и более обширный, и более населенный город, чем при Серапионе. Если в первой четверти XIX в. в Иерусалиме проживало всего 8–10 тысяч человек (среди них примерно 2 тысячи евреев, 3 тысячи христиан и 4 тысячи мусульман), к 1844 году население выросло незначительно, до 15 тысяч человек, то в 1860–70-х годах население города составляло уже от 30 до 40 тысяч человек^[2].

Д. В. Дашков в 1820 г. указывает количество «постоянных жителей» Иерусалима «около 13 тысяч», оговариваясь при этом, что «нельзя ручаться за сие исчисление, ибо во всей Турции нет ни метрик, ни подушной переписи»^[3]. А. Н. Муравьев, вероятно, руководствуется неверными сведениями, когда называет в 1830 году цифру «до 30 000 жителей»^[4], П. А. Вяземский в 1850 г. называет те же 30 тысяч жителей, что если и является преувеличением, то небольшим: «Иерусалимский паша сказывал мне сегодня, мая 4-го 1850 г., что жителей в Иерусалиме около 30 тысяч...»^[5]. Правда, «Еврейская энциклопедия», изданная Брокгаузом и Ефро-

ном, считает, что в 1856 г. население Иерусалима составляло только 18 тысяч человек^[6], но этот разброс в цифрах следует отнести к неточным сведениям, даваемым турецкими властями.

Все сказанное позволяет представить место публикуемых свидетельств в общей картине русского паломничества в Палестину, особенно если сравнить их с известными и современными им образцами.

В том же 1830 году, что и Стефан-Серапион, посетил Палестину известный русский религиозный писатель и церковный деятель Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), «Путешествие ко Святым местам» которого (вышедшее с 1832 по 1848 гг. пятью изданиями) произвело, как известно, большое впечатление на русскую публику. Напомню, что у Пушкина есть незаконченная рецензия 1832 года на это произведение, упоминаемое им также в предисловии к «Путешествию в Арзрум» (1836), а привезенная Муравьевым из Палестины пальмовая ветвь послужила Лермонтову толчком к написанию стихотворения «Ветка Палестины».

Сам Муравьев в стихотворении «Паломник» так определяет свое стремление в Палестину:

*Я принял крест, я посох взял,
Меня влечет обет священный...*

Муравьев принадлежал к известному семейству: его отец,

военный теоретик и математик генерал-майор Николай Николаевич (1768–1840), основал знаменитое Училище колонновожатых для подготовки штабных офицеров, один из старших братьев – Александр (1792–1863) – был в молодости декабристом, хотя закончил жизнь, будучи нижегородским губернатором, генерал-лейтенантом и сенатором; другой брат – Николай Муравьев-Карский (1794–1866) – во время Крымской войны, в 1854–1856 гг., служил наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским корпусом, за взятие турецкой крепости Карс в 1855 г. получил почетную приставку к фамилии (он оставил мемуары «Русские на Босфоре в 1833 г.»); приставка к фамилии другого брата – графа Михаила Муравьева-Виленского (1796–1866) – была добавлена в 1863 г., когда он был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края (народным прозвищем графа стало – «Муравьев Вешатель»).

Андрей Муравьев, младший из братьев, получил хорошее домашнее образование (его воспитателем был известный переводчик и преподаватель словесности Московского благородного пансиона, брат киевского митрополита Филарета С. Е. Раич), служил в военной службе, в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, в Синоде. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Муравьев служил чиновником по дипломатической части при штабе 2-й армии, оттуда он и отправился в путешествие в Палестину. С 1836 г. Андрей Николаевич состоял членом Общества

любителей российской словесности, с 1837 г. – Российской Академии наук.

Список его трудов удивляет соседством лирических произведений с историко-церковными. Кроме названного «Путешествия ко Святым местам», это сборник стихотворений «Таврида» (1827), драматические сцены в стихах «Битва при Тивериаде, или падение крестоносцев в Палестине», отрывок из которых был напечатан в пушкинском «Современнике» (трагедия шла также в 1830 г. без успеха на сцене Александрийского театра в Петербурге), «Письма о богослужении Восточной католической церкви» (1836), «Путешествие по Святым местам русским» (1836), «История Российской церкви» (1838), «Первые четыре века христианства» (1840), «Правда вселенской церкви о римской и прочих патриарших кафедрах» (1841), «Письма с Востока в 1849–50 гг.» (1851), «Слово католического православия римскому католичеству» (1852), «Раскол, обличаемый своею историей» (1854), «Жития святых российской церкви, также иверских и славянских» (1855–1858; в 12 томах), «Сношения России с Востоком по делам церковным» (1858–1860) и другие. Писал А. Н. Муравьев быстро и много, его книги издавались и переиздавались в большом количестве.

Первая книга Муравьева о путешествии в Палестину стала чрезвычайно популярной, вероятно, благодаря не только таланту автора, но и интересу в литературных кругах к самой теме, продолжавшей в 1830-е годы быть экзотической.

Кроме Д. В. Дашкова, опубликовавшего отрывок из своего путешествия, предпринятого по дипломатическому поручению, и А. С. Норова, приехавшего в Святую Землю в 1835 г., большинство паломников, оставивших свои описания, принадлежали к другой среде – либо к духовенству, либо к купечеству. Надо отметить и то, что именно «Путешествие ко Святым местам» было самой отделанной книгой Муравьева, текст которой просматривали перед напечатанием и вносили исправления В. А. Жуковский, О. И. Сенковский и московский святитель Филарет (Дроздов).

Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839) также был человеком незаурядным. Закончив с отличием уже упоминавшийся Московский университетский пансион, Дашков стал «архивным юношей»: служил в Московском архиве ведомства коллегии иностранных дел, а затем в Министерстве юстиции под началом известного поэта И. И. Дмитриева. Дмитрий Васильевич занимался и литературной деятельностью: будучи прекрасным полемистом и знатоком русского языка, напечатал несколько статей, в которых выступал против «архаиста» адмирала А. С. Шишкова в споре о старом и новом русском слоге; ему И. И. Дмитриев поручил напечатать «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского, к которому Дашков написал примечание. Он состоял членом и одно время председателем Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств, из которого был исключен в 1812 г. за насмешку над избранным почетным членом гра-

фом Д. И. Хвостовым. Позже Дашков был членом литературного общества «Арзамас», Пушкин в 1814 г. посвятил ему послание «Мой милый друг, в стране, где Волга наравне с берегами протекает...».

С 1817 г. Дашков был вторым советником посольства Российской империи в Константинополе и отправился в Палестину в 1820 г. с дипломатическими поручениями – разведать обстановку в Греции и Палестине (накануне греческого восстания), собрать «обстоятельнейшие сведения» о Иерусалиме и как можно более подробно описать Храм Гроба Господня, для чего к нему был прикомандирован художник М. Н. Воробьев, в задачу которого входило «снять под величайшим секретом план Храма Воскресения»^[7]. Дашков выполнил поручения, а «Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году. Русские поклонники в Иерусалиме» напечатал сначала в альманахе «Северные цветы» в 1826 г., а затем в том же году отдельным изданием в Санкт-Петербурге. В 1825–1828 гг. в журналах появились также его переводы древнегреческих эпиграмм, но, кроме них и еще одного отрывка из своего путешествия по Греции – «Афонская гора» (СПб., 1824), Дашков уже ничего не печатал, т. к. посвятил себя государственной деятельности.

В 1826 г. он был статс-секретарем, товарищем (заместителем) министра внутренних дел, с 1829 г. – товарищем министра юстиции, а с 1832 г. – министром юстиции. Интересно отметить, что Дашков был поборником гласного судопроиз-

водства и хотел ввести в России институт адвокатуры. Твердость его убеждений позволила ему даже представить императору Николаю I резоны о взятии обратно одного «высочайшего повеления», которое было прислано в министерство юстиции для обнародования, но противоречило существующим законам. Закончил свою жизнь Дашков, будучи членом Государственного совета (с 1839 г.) и председателем департамента законов.

Похоже, что все русские путешественники, посещавшие Святую Землю в первой половине XIX в. и оставившие о ней записки, были людьми незаурядными. Обращает на себя внимание, в первую очередь, их литературная и государственная деятельность.

Авраам Сергеевич Норв (1795–1869), в 1812 году в Бородинском сражении потерявший ногу, тем не менее исполнил свою мечту и приехал в Палестину в 1835 г., когда подобное путешествие было нелегким и для здорового человека. Но Норв посетил Святую Землю не только как паломник, у него были и научные интересы – его целью являлись топографические изыскания в Палестине, которые он провел, руководствуясь как Ветхим и Новым Заветом, так и разнообразной литературой, в том числе религиозной и исторической, а также записками паломников на разных языках. Занят он был и книжным поиском, недаром его библиотека восточной литературы считалась лучшей в России и одной из лучших в Европе и была впоследствии куплена русским

правительством для Румянцевского музея. Биограф Норова, академик А. В. Никитенко, писал о ней: «Одно собрание сочинений, относящихся вообще к Востоку и в особенности к Египту и Палестине, составляет отдельную единственную в своем роде по полноте своей и редкости изданий, с которою, по свидетельству специалистов, едва ли может равняться какая-либо из публичных европейских библиотек»^[8].

А. С. Норов с юности интересовался историей, археологией и литературой, с 1818 г. был членом Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств, входил в кружок С. Е. Раича (вместе с В. Ф. Одоевским, А. Н. Муравьевым, Ф. И. Тютчевым, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым), затем в Общество Любомудрия (вместе с В. Ф. Одоевским, Д. В. Веневитиновым, И. В. Киреевским, А. И. Кошелевым). Он был поэтом и переводчиком, знал восемь иностранных языков: французский, английский, итальянский (с которого много переводил), испанский, латынь, древнегреческий и гораздо более редкие в его среде – арабский и древнееврейский (читая в подлиннике Библию, по словам его биографа)^[9]. В 1840 г. Норов становится членом, а в 1851 г. – действительным членом Российской Академии наук, главой Археографической комиссии, издавшей во время его председательства «не менее 35 томов важных исторических актов»^[10], среди которых в его редакции было издано в 1864 г. известное «Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в XII веке»^[11]. Параллельно этой деятельности

Норов проявил себя и как государственный деятель: в 1849 г. он стал сенатором, в 1850–1858 гг. – сначала товарищем министра, затем министром просвещения России.

Таковыми были известные русские паломники, посетившие Иерусалим в 1820–30-х годах. Сравнение дневника Стефана-Серапиона с книгами Муравьева, Дашкова и Норова дает более объемное восприятие как иерусалимских достопримечательностей, так и описываемого периода в истории Палестины.

В отдельных случаях привлекаются для сравнения также записки о путешествиях в Палестину, написанные намного раньше или позже 1830–1831 гг. Например, интересный материал дают «Путевые записки во Святый град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах»^[12] и книга «Из Рима в Иерусалим», сочинение графа Николая Адлерберга^[13], совершившего свое путешествие в 1845 году, а также анонимного представителя католической традиции, побывавшего в Иерусалиме в 1840 г., сочинение которого было издано двумя изданиями в России – «Путешествие с детьми по Святой Земле»^[14] (это издание также подтверждает интерес к теме путешествий-паломничеств в Палестину в русском обществе).

Заметим, что и граф Николай Владимирович Адлерберг (1819–1892) заслуживает упоминания как по легкости слога и занимательности его сочинения, так и по своим заняти-

ям. Он участвовал в Кавказской войне 1841–1842 гг., был таганрогским градоначальником (1853), военным губернатором Симферополя и гражданским губернатором Таврической области (1854–1856) во время Крымской войны, генерал-губернатором Финляндии (1866–1881) и закончил карьеру членом Государственного Совета. Кстати, Н. В. Адлерберг совершил два путешествия в Палестину – в 1845 и 1860 гг., и о первом из них он написал в своей книге, что «странствования по Сирии и Палестине в то время были весьма опасны...»^[15].

В том же 1845 году, что и граф Адлерберг, в Палестину совершил паломничество инок Парфений (Петр Агеев) (1807–1878), также личность незаурядная. Родившийся в старообрядческой семье в Молдавии, Парфений затем оставил раскол в 30-летнем возрасте, постригся в монахи на Афоне, был рукоположен в иеромонахи (1855) и стал игуменом Гуслицкого Преображенского монастыря (1858), а также церковным писателем, обличителем раскола. Его пятитомное «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (четыре тома вышли в 1855 г., последний – в 1898–1900 гг.) вызвало положительные, а иногда и восторженные отклики таких разных людей, как С. М. Соловьев, Н. Г. Чернышевский, А. В. Дружинин, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков.

Сочинение Парфения близко дневнику Серапиона по

простоте стиля, лишенного литературных прикрас, по кругозору, способу восприятия и среде общения православного монаха. Удивительны переходы от описания слез и лобызаний христианских святынь к фиксированию в обоих текстах количества лампад, колонн, ступеней, расстояний и размеров этих святынь. В этом к двум монахам близок также Иван Вешняков и отчасти Поливанов, ставящий себе, правда, уже научную цель – измерить и описать достопримечательности, могущие исчезнуть со временем.

Что же касается эпохи 1861–1862 гг., когда прибыл во второй раз в Палестину А. С. Норов, сопровождаемый Поливановым, то о ней написано достаточно много. Первым источником является, конечно, «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А. С. Норова», автор которых для работы над книгой пользовался, в том числе, и «Дневником» своего племянника (почему, собственно, он и оказался в собрании Рукописного отдела Российской Национальной библиотеки, где хранится архив Норова). Параллельные места в текстах прослеживаются в примечаниях.

Из предшественников Поливанова и Норова следует вспомнить князя П. А. Вяземского (1792–1878), побывавшего в Палестине в 1849–1850 гг., его «Путешествие на Восток» впервые было опубликовано в 1883 г. Вяземский, друг Пушкина, поэт, критик, мемуарист и академик Петербургской Академии наук (с 1841 г.), был почти ровесником Норова, также участвовал в Бородинском сражении в

составе дворянского ополчения и сделал карьеру в министерстве просвещения (был товарищем министра в 1856–1858 гг.). Будучи главой цензурного комитета, Вяземский отошел от либеральных идей молодости, заслуживших ему когда-то опалу, стал сенатором и членом Государственного Совета. Скептицизм литературных сочинений последнего периода его жизни отразился и в «Путешествии на Восток», знакомящем, в основном, не с виденным, а с пережитым автором.

В те же годы вторично приехал в Палестину А. Н. Муравьев, пересекавшийся в своем путешествии с Вяземским (например, они вместе осматривали храм Святой Софии в Константинополе). Муравьев издал в 1851 г. два тома своих «Писем с Востока в 1849–1850 годах», написанных уже не в романтически-приподнятом стиле его «Путешествия ко Святым местам», а гораздо сдержаннее.

В 1859 г. Иерусалим впервые посетил член царствующего дома России – брат Александра II, великий князь Константин Николаевич с женой и сыном. Переписка Константина Николаевича с Александром II и отрывки из его дневника опубликованы^[16], письма его жены великой княгини Александры Иосифовны хранятся в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки^[17] и также привлечены мною к сравнению.

Тот же год отмечен в записках А. Давыдова, опубликованных в журнале «Современник», – «Иерусалим в 1859 году и

русские поклонники»^[18]. В 1861 г., тогда же, когда и Поливанов, Иерусалим посетил Николай Васильевич Берг (1823–1884), поэт-переводчик, журналист, автор путевых очерков «Мои скитания по белу свету» (часть из которых посвящена Палестине^[19]). Позже он составил «Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям», напечатанный в Петербурге в 1863 г. К концу века, вместе с увеличением потока русских паломников, увеличивалось и количество путеводителей. Но надо сказать, что путеводители по Иерусалиму и Палестине на русском языке появились только во второй половине XIX в., тогда как в западных странах они существовали уже в XV в. Это связано с тем, что первоначально описания православных паломничеств не были написаны для возникновения у читателя чувства любопытства, т. к. предпринимались, в основном, для очищения души.

Все названные источники не исчерпывают, конечно, написанного о Иерусалиме на русском языке даже за указанный период, но они позволяют увидеть представляемые в настоящем издании дневники в потоке времени и литературы.

* * *

Тексты дневников печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации. При этом сохраняются все особенности в написании слов, отражающие отличное от современного произношение (дверми, столп, свещей, ея, на

обех и т. д.), особенности лексики («сряду» вместо «сразу» и т. п.), словообразования (огнь, чрез и т. п.) и синтаксических конструкций. Правописание собственных имен сохраняется по подлиннику. Зачеркнутые и исправленные автором слова приводятся в квадратных скобках. Подчеркивания и круглые скобки принадлежат авторам дневников.

Слова, буквы и знаки, ошибочно пропущенные в тексте, восстанавливаются в угловых скобках, явные ошибки и опiski исправляются без оговорки. На месте неразборчиво написанных слов ставится: <2 нрзб.>, где цифра означает количество неразобранных слов. Знак вопроса в угловых скобках ставится, когда предложенная расшифровка не является безусловной.

Были унифицированы написания словосочетаний: «Библия», «Благодатный огонь», «Великая церковь», «вице-консул», «вице-король», «Гроб Господень», «Святые места», «Святой Град», «Святая Святых», «Святая Часовня», «Храм Гроба Господня».

Цитаты в примечаниях даются в современной орфографии.

«Путешествие» Серапиона хранится в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РНБ), в библиотеке П. Н. Тиханова^[20], № 511. Записки о путешествии представляют собой тетрадь из 32 нелинованных листов в переплете, переплет несколько попорчен. Номера листов проставлены в правом верхнем углу на полях, поля

проведены карандашом с двух сторон (примерно 1–1,5 см).

Текст написан тремя почерками: первый похож на писарский, довольно крупный и разборчивый, с большим количеством завитков у букв, им написаны листы 1–18; второй почерк более мелкий, с другими особенностями написания букв и слов (в частности, слово «здесь» пишется через букву «з», а не «с», как ранее), им написаны листы 19–20 (лицевой), 23–32; третий почерк еще мельче, похож на ученический, менее грамотный, отсутствуют завитки у букв, абзацы обозначены отступом, а не тире и точкой, как при написании «первым» почерком, некоторые слова написаны с титлом (например, апла – апостола), этим почерком написаны листы 20 (оборот), 21–22. Вероятно, часть записок была кому-то продиктована.

На внутренней стороне обложки «Путешествия» написан следующий текст (приводится с сохранением всех особенностей):

Помяни мя Господи грешную Наталию в ерусалими и годника со мною сего монастыря патриа<р>шаго Иерусалимскаго монастыря монаха Серапиона именувашаго прежде пострижения Стефаном

1830 и 1831 годов
упакой Господи в земли
филарета нашего друга
Пошли ему Господи царствии
небесное
в ерусалими
умер он 1853 году
18<2?>9 1830 июня.
Аминь
Пишет Наталия сия наша.

Кому принадлежит данная надпись, установить не удалось.

В части, где отсутствуют абзацы, они установлены публикатором по смыслу.

«Дневник» Н. П. Поливанова находится в Рукописном отделе РНБ, в фонде П. И. Савваитова (Q IV № 411) и представляет собой тетрадь из 52 листов, писанную частью чернилами, частью карандашом^[21]. Почерк представляет собой скоропись, не всегда понятную для прочтения. Поля широкие, от 4 до 4,5 см, первоначально были загнуты, на полях есть пометы, которые приведены в публикации. Начиная с оборота листа 15 поля исчезают, появляется больше помарок, почерк становится небрежнее, затем кое-где поля снова имеются. В тетрадь вложены листы 53–58, 62 – меньшего формата, содержащие записи расходов в путешествии. Они печатаются в приложении. Рукопись «Дневника» была

прислана Поливановым А. С. Норову при письме от 4 июля 1866 г. (на двойном листе большого формата), которое хранится в библиотеке вместе с «Дневником» и приводится ниже.

В тексте Поливанова почти нет абзацев, поэтому в данной публикации они установлены публикатором по смыслу.¹

¹ Полные библиографические описания работ, указанных в Примечаниях курсивом, содержатся в разделе «Источники»)

Краткий исторический очерк

Святая Земля всегда интересовала Россию и сама по себе (с религиозной точки зрения), и – с XV века – как часть Османской империи, с которой России многократно воевала. В Святые места совершались многочисленные паломничества, а вопрос об их владении был на протяжении веков частью так называемого «восточного вопроса», который периодически приковывал к себе внимание мировой политики^[22].

К XVIII веку положение было следующим: Палестина входила в состав Османской империи, и христианские Святые места находились во владении мусульманского государства, в Иерусалиме сложился некий *status quo* в вопросе о владении главными христианскими святынями. По султанскому фирману 1757 года за католиками и православными были закреплены равные права на Храм Гроба Господня, притом что во владении греческой православной церкви находились храм Рождества в Вифлееме и гробница Девы Марии в Гефсимании.

К концу XVIII в., после многих русско-турецких войн и столкновений, Россия была уже черноморской державой, Крым по Ясскому мирному договору 1792 года принадлежал ей (ранее, по Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 года, Крым объявлялся независимым), и ее чрезвычайно волновал

вопрос о средиземноморских проливах – Босфоре и Дарданеллах. С 1774 г. русский флот имел свободный проход через проливы, хотя в 1787 г. Турция вновь потребовала согласия России на досмотр ее судов и отказа от российского покровительства Грузии, но, не получив ответа и начав войну, проиграла ее. Русско-турецкая война 1806–1812 гг., во время которой русский флот под командованием Д. Н. Сенявина блокировал в 1807 г. Дарданеллы, закончилась победой России и присоединением к ней Бессарабии.

Со времен правления Екатерины II Россия проводила политику поддержки антитурецких движений в Османской империи и объявляла себя покровительницей православных подданных турецкого султана. По условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора Турция обязывалась обеспечить «твердую защиту христианскому закону и церквям оно-го», а Россия получила право представлять за своих единоверцев в Турции^[23], что чрезвычайно не нравилось европейским державам, не хотевшим распространения влияния России на Востоке.

В 1770–1780-х гг. Екатерина II сформулировала свой так называемый «Греческий проект»: о «совершенном истреблении Турции и восстановлении древней Греческой империи в пользу младшего великого князя»^[24], – как она выразилась в письме 1792 г. австрийскому императору Иосифу II. Младший внук Екатерины, родившийся в 1779 г., заблаговременно был назван греческим царским именем Констан-

тин, а в честь его рождения была отчеканена монета с изображением креста храма Святой Софии в Константинополе.

Мечты о Константинополе витали в русском обществе, Державин писал в оде «На взятие Измаила» (1790–1791):

...росс рожден судьбою

<...>

Отмстить крестовые походы,

Очистить иордански воды,

Священный гроб освободить,

Афинам возвратить Афины,

Град Константинов Константину

И мир Афету водворить.

Одновременно и русская восточная политика активизировалась: в Бейруте в 1785 г. открылось первое русское консульство на Ближнем Востоке (в его сферу деятельности входил не только Ливан, но и Сирия, и Палестина), к концу XVIII в. русские консульства существовали в Дамаске, Александрии и Каире.

Александр I во многом продолжил восточную политику Екатерины II, считаясь «августейшим покровителем» Восточной церкви. Политическая поддержка России стала важнейшим фактором существования православных подданных турецкого султана, контроля над святыми местами Иерусалима Греческой церкви и самого ее финансового обеспечения. Еще начиная с XVI века Россия финансово поддержи-

вала Восточную церковь, после большого пожара в Храме Гроба Господня 1808 г. значительная часть средств на его реконструкцию и на подкуп турецких чиновников прибыла из России, Иерусалимскому патриархату принадлежали доходы с поместий в Бессарабии и Валахии, которые перешли во владение России по Бухарестскому мирному договору 1812 года.

В начале XIX в. русские консульства появились уже в Алеппо (Халебе), Хайфе, Латакии (Сирия) и других частях Османской империи. Российская дипломатия усиленно вмешивалась в вопрос о владении святынями Иерусалима: например, когда в 1811 г. католики добились у султана передачи им прав на владение Кувуклией (часовней Гроба Господня, главной святыней христиан), только русская дипломатия вернула грекам право богослужения у Гроба (в 1817 г.). В 1820 г. было открыто русское вице-консульство в Яффе (когда по представительству К. М. Базили в 1839 г. генеральное консульство было перенесено в Бейрут, в Яффе был сохранен пост вице-консула).

Но к 1821 г. отношение турецких властей к православным грекам в Палестине начало быстро ухудшаться, греческих монахов все чаще стали обвинять в шпионаже в пользу России, в укрывательстве русских солдат и оружия, что давало почву для открытого преследования монастырей, избиения монахов, их арестов и даже пыток.

К моменту начала греческого восстания против власти

Порты (1821) Рос сия после очередной победы над Турцией, закрепленной в статьях Бухарестского мирного договора 1812 г., и победы над Наполеоном была очень влиятельным государством на Востоке, ее влияния чрезвычайно опасались все европейские державы. Александр I, верный принципам «Священного союза» о поддержании любой законной власти против восстаний подданных, осудил греческое национальное движение против «законной» власти султана. Кроме того, оно наносило урон внешнеполитическим интересам России в Турции. Но одновременно Россия не могла не сочувствовать борьбе за освобождение от многовекового турецкого ига своих единоверцев греков, особенно когда стали известны ужасные подробности расправы над греческим патриархом Григорием V и тремя митрополитами, повешенными в полном облачении на воротах Греческой патриархии в Стамбуле 10 (22) апреля 1821 г. (в день Пасхи).

Восстание началось 24 февраля 1821 г. с воззвания генерал-майора русской службы князя Александра Ипсиланти «В бой за веру и отечество», опубликованного в Яссах. Через месяц восстание уже распространилось на саму Грецию. Несмотря на увольнение А. Ипсиланти с русской службы и официальное осуждение восстания Российским правительством, отношения с Портой стремительно ухудшались.

В Министерстве иностранных дел России столкнулись две партии: графа К. В. Нессельроде, сторонника Австрии и ее канцлера Меттерниха, и графа И. А. Каподистрия, уроженца

острова Корфу (входившего в Республику Семи островов), сторонника сближения с Францией, освобождения европейских владений Турции от власти султана и создания там христианских государств под эгидой России (оба руководили Российским МИДом с 1816 г.). Но даже граф Каподистрия неодобрительно отнесся к греческому восстанию, считая его преждевременным. Однако вскоре он, захваченный событиями, начал оказывать повстанцам не только моральную (приветствуя независимость Греции), но и финансовую поддержку. Каподистрия выдвигал планы вооруженного вмешательства России, отвергнутые Александром I, склонившимся к мнению Нессельроде. За свои грекофильские настроения граф Каподистрия был в 1822 г. отправлен в бессрочный отпуск и поселился в Женеве.

Тем временем события развивались: в июне 1821 г. было образовано Временное правительство Греции, в январе 1822 г. народное собрание постановило считать Грецию федеративным государством, летом 1822 г. сдался турецкий гарнизон, находившийся в афинском Акрополе.

Усилия Александра I, предпринятые им совместно с европейскими державами для стабилизации обстановки (в том числе Венская конференция держав по Восточному вопросу весной 1822 г.), не дали положительных результатов. Более того, Турция начала нарушать прежние русско-турецкие договоры и вводить санкции против России: не пропускать российские корабли через проливы, арестовывать русских мо-

ряков и купцов и т. д. Исчерпав дипломатические возможности, Россия начала готовиться к войне, подтягивая войска к турецкой границе. Именно для знакомства с обстановкой Александр I отправился на юг осенью 1825 г. (в Таганроге его и застала смерть). Дальнейшую подготовку к войне вел уже Николай I.

Николай I в самом начале своего 30-летнего царствования сказал французскому послу Сен-При: «Брат завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело...»^[25] Можно усмотреть некое предвестие в этих словах царя, начавшего с победоносных войн с Турцией и Персией и закончившего свое царствование разгромной для России Восточной (Крымской) войной.

Весной 1826 г. Великобритания предложила свое посредничество в русско-турецком конфликте, которое было отвергнуто Россией, подписавшей при этом в Петербурге совместный российско-английский протокол по греческому вопросу: Турции предлагалось признать Грецию автономным государством. Султан был вынужден признать претензии России по поводу нарушения прежних соглашений и заключить осенью 1826 г. Аккерманскую конвенцию, но отказался признать автономию Греции.

В это время, в апреле 1827 г., президентом Греции был избран Иоанн Каподистрия, бывший статс-секретарь по иностранным делам России. Таким образом, греки вновь продемонстрировали свою веру в русскую помощь, граф же Ка-

подистрия начал проводить политику, открыто ориентированную на Россию (что вызвало серьезное недовольство Англии и Франции, инспирировавших в 1830–1831 гг. восстание против правительства Каподистрия, и в октябре 1831 г. президент был убит).

Летом 1827 г. Франция присоединилась к петербургскому протоколу, и после отказа Турции признать автономию Греции объединенные эскадры России, Англии и Франции блокировали турецко-египетский флот в бухте Наварин, где 8 (20) октября 1827 г. произошло знаменитое Наваринское сражение, в котором Турция потеряла свой флот. Тем не менее султан Махмуд II отказался вести переговоры с союзниками, что привело к разрыву дипломатических отношений России, Англии и Франции с Турцией. В декабре 1827 г. султан обратился к подданным с манифестом, в котором обвинял Россию в подстрекательстве греков к восстанию и отказался выполнять условия Аккерманской конвенции.

После успешного окончания русско-иранской войны (февраль 1828 г.) Россия 14 (26) апреля 1828 г. объявила войну Турции. Николай I не ставил перед собой задачи разделить Турцию и захватить проливы («Греческий проект» Екатерины II ушел в прошлое), т. к. понимал, что подобный поворот приведет к столкновению с европейскими державами. Канцлер Нессельроде сообщал командующему русской армией на Балканах генералу-фельдмаршалу И. И. Дибичу^[26] (под начальством которого служил А. Н. Муравьев,

просивший фельдмаршала отпустить его в 1829 году в путешествие к Святым местам): «Его Императорское Величество считает, что положение вещей, существующих в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом. Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать»^[27]. Николай I придерживался принятого еще в 1802 г. правительственного решения о том, что «выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают невыгоды»^[28].

В мае 1828 г. русские войска перешли Прут и стремительно двинулись через Балканы к Стамбулу, так что в августе 1829 г. султан был вынужден отправить своих представителей в г. Адрианополь (Эдирне), завоеванный к тому времени русскими войсками. Несмотря на давление Англии на турецких представителей, 16 статей Адрианопольского мирного договора, подписанного 2 сентября 1829 г., закрепили роль России как самой влиятельной державы на Востоке^[29]. А. Н. Муравьев, находившийся на дипломатической службе при 2-й армии и праздновавший вместе с ней заключение мира в Адрианополе, писал о влиянии России: «Никогда еще имя наше не было в такой силе и славе на Востоке...»^[30].

Такое положение чрезвычайно беспокоило европейские державы, настолько, что Великобритания потребовала пересмотра условий Адрианопольского мира, считая, что Россия нарушила европейское равновесие, но Николай I отказался обсуждать этот вопрос. Турция, наконец, признала автоно-

мию Греции, которая провозгласила свое независимое государство в январе 1830 г. По инициативе России независимость Греции была признана основными европейскими державами на Лондонской конференции в феврале 1830 г. Восточный кризис 1820-х годов был завершен.

В этот исторический момент и отправляется в далекое путешествие в Палестину некий Стефан, которого – вероятно, не случайно – принимает перед отъездом сам Николай I, только что доказавший всей Европе и силу русского оружия, и собственные дипломатические способности. Стефан может спокойно плыть из Одессы в Константинополь, ничего не опасаясь, т. к. в VII статье Адрианопольского мирного трактата было сказано, что «ход через Константинопольский канал и Дарданельский пролив совершенно свободен и открыт для российских судов под купеческим флагом, с грузом или с балластом, имеющих приходить из Черного моря в Средиземное или из Средиземного в Черное»^[31].

Дальнейшее пребывание русских паломников на территории Османской империи также уже не представляло опасности («Российские подданные, их суда и товары будут ограждены от всякого насилия и притязания; первые исключительно будут состоять под судебным и полицейским заведыванием министра и консулов российских, а суда российские не будут подлежать никакому внутреннему досмотру со стороны оттоманских властей ни в открытом море, ни в гаванях, пристанях или на рейдах Турецкой империи», – как сказа-

но в той же статье договора), мало того, султанский фирман охранял их от поборов местных властей, что в дневнике Стефана неоднократно подчеркивается. Он даже утверждает, что турки, например в крепости Дарданеллы, очень ласковы к русским и желают показать преданность русскому царю.

Православное же духовенство, пережившее все сложное для них время греческого восстания и русско-турецкой войны в Иерусалиме, оторванное от событий и подчиненное власти султана и – что гораздо разорительнее и опаснее – власти местных чиновников, встретило православных паломников с восторгом. Прибытие паломников означало не только открытие свободных путей в Палестину, но и возможность получения прибылей Иерусалимским патриархатом. Дело в том, что восстановление после пожара 1808 года Храма Гроба Господня окончательно разорило казну патриархата (на восстановление храма понадобилось более одного миллиона рублей^[32]), к моменту вступления на патриарший престол Афанасия V (1827–1845) долг составлял 30 миллионов грошей под 8 % годовых^[33].

В. Н. Хитрово, известный исследователь православия на Востоке, секретарь Православного Палестинского общества, пишет, что «с 1820 по 1830 г. все драгоценности ризницы были обращены в деньги, более 40 пудов золота и 2000 пудов серебра были проданы, и кроме того Иерусалимский патриархат оказался обремененным такими тяжкими долгами,

доходившими до 2 млн. руб., что кредиторы его потребовали аукционной продажи православных святынь, монастырей и поместий. Только заступничество русского правительства спасло тогда Иерусалимский патриархат»^[34]. Д. В. Дашков, бывший в Иерусалиме в 1820 г., приводит пример расходов патриархии на подарки местным и дальним чиновникам: «По собранным нами сведениям, греки издержали на подарки в продолжение одного только месяца августа 1820 до ста кошельков, т. е. 50 тысяч левов <...> монахи всех исповеданий были в наше время доведены до крайности»^[35].

О долгах Иерусалимской патриархии пишет в 1830 г. и А. Н. Муравьев: «Возобновление сгоревшего Храма первое расстроило казну патриаршую, и вслед за тем восстание в Греции, лишив ее милостыни, поклонников и дохода с двух княжеств, совершенно истощило и уронило кредит ее во всеобщем мнении. Все стали тщетно требовать уплаты капиталов, когда не было довольно денег и для процентов, и таким образом возросло до восемнадцати миллионов левов долга. Дела патриаршие в таком критическом положении, что одно только чрезвычайное пособие может облегчить бремя неуплатного долга и тем спасти монастыри палестинские от угрожающего им падения»^[36].

На арене же большой политики после окончания греческого восстания и русско-турецкой войны продолжали происходить события, отражавшиеся на положении Палестины, ее христианских святынь и паломничества.

В 1830-х годах европейские правительства, стремясь потеснить Россию на Ближнем Востоке, старались усугубить финансовую и торговую зависимость турецкой экономики, что подчиняло политику Порты интересам европейских держав. В самой Турции нарастали сепаратистские движения: в 1832 г. против султана выступил египетский паша Мухаммед-Али (1769–1849), который был талантливым полководцем и реформатором и занимал египетский престол с 1805 г. После неоднократных побед (несмотря на обращение султана за помощью к России и выделение 30-тысячного десантного отряда под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева), в мае 1833 г. было подписано турецко-египетское соглашение, по которому Сирия и Палестина переходили во власть египетского паши. Период, когда наместником здесь стал сын Мухаммеда-Али Ибрагим-паша, был ознаменован большей национальной и религиозной терпимостью, чем при османском владычестве.

Воспользовавшись моментом, когда Турция нуждалась в ее военной силе, Россия заключила с ней в 1833 г. Уникяр-Искелесийское соглашение, по которому проливы Босфор и Дарданеллы переходили под русский контроль сроком на восемь лет.

В 1839 г. турецкая армия попыталась получить реванш в Сирии, но потерпела поражение от египетских войск. Лондонская конвенция 1840 г. закрепила турецко-египетские отношения в следующем виде: египетский паша получил

Египет в наследственное управление (династия Мухаммеда-Али правила в Египте до 1952 г.), а Сирию – в пожизненное, Палестина же была возвращена во власть турецкого султана. Тем не менее на некоторое время Египет превратился в региональную сверхдержаву.

Со второй половины 1830-х гг. в Петербурге стали проявлять заметный интерес к положению Православной церкви на Востоке, российские посланники в Константинополе в своих депешах на имя канцлера Нессельроде (докладывавшего их царю), подробно сообщали о положении со Святыми местами и о спорах Греческой и Армянской церквей. В 1835 г. армяне сумели добиться от Порты особого указа, в силу которого у греков были отняты принадлежавшие им в Иерусалиме Святые места. Иерусалимский патриарх Афанасий обратился за помощью к русскому императору и Синоду. Русскому послу в Константинополе было приказано обратить внимание Порты на незаконный захват Святых мест армянами, после чего султан вернул грекам все земли, а вместе с тем и подтвердил все прежде установленные права и преимущества греков.

Направленный российским консулом в Сирию и Палестину К. М. Базили (прослуживший с 1839 по 1853 год), грек по происхождению, прекрасно разбиравшийся во внутренних распрях иерусалимских церквей, предсказывал вмешательство католиков в споры по поводу святынь.

Россия стремилась сохранить status quo на Ближнем Во-

стоке, но это не входило в планы Англии и Франции: Франция поддерживала Египет, Англия стремилась подчинить своим интересам экономику Турции (в 1838 г. был заключен англо-турецкий договор). Две Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. пяти европейских держав о режиме Босфора и Дарданелл ослабили позиции России, отменили ее протекторат над проливами и явились преддверием Крымской войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Сведения приведены по статье «Паломничество» «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», 1897, т. 44, с. 645. Ср. с цифрами, указанными в статье П. Стегния «О российском консульском представительстве в Святой Земле»: до 1820 г. ежегодно прибывало до 200 русских паломников, в 1857 г. – около 500, в 1858 – до 800 паломников, за 1865–1899 гг. 75596 человек (Россия в Святой Земле, т. 1, с. 8). Д. В. Дашков указывает, что среди православных паломников «прежде 1821 года» «бывало около двух сот русских» (Русские поклонники в Иерусалиме, с. 32). Н. В. Берг, бывавший в Палестине в 1861 г., пишет: «Последнее время их (русских поклонников. – Е.Р.) стало валить около сотни в сутки, потому что открылось пароходное сообщение между Яффой и Одессой...», делая примечание: «Сведение от нашего архиерея в 1862 году», – и добавляет, что «о Пасхе бывает от 500 до 800» русских поклонников (Мои скитания по белу свету, с. 202, 217).

2.

Ben-Arieh Y. Jerusalem in the 19th Century, p. 14, 38.

3.

Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме, с. 34.

4.

Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году, с. 203.

5.

Вяземский П. А. Путешествие на Восток (1849–1850), с. 262.

6.

Еврейская энциклопедия, т. 8, с. 699 (автор статьи «Иерусалим» – Я. Клебанов).

7.

Лисовой Н. Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – нач. XX в. // Россия в Святой Земле, т. 1, с. 17.

8.

Норов А. С. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29 декабря ординарным академиком А. В. Ники тенко // Санкт-Петербургские ведомости, № 22 от 22 января 1870 г.

9.

Норов А. С. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29 декабря ординарным академиком А. В. Никитенко // Санкт-Петербургские ведомости, № 22 от 22 января 1870 г.

10.

Норов А. С. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29 декабря ординарным академиком А. В. Никитенко // Санкт-Петербургские ведомости, № 22 от 22 января 1870 г. с. 5.

11.

См. подробнее о литературной деятельности А. С. Норова во вступ. статье Л. Я. Гинзбург к сб. «Поэты 1820–1830-х годов». Большая серия «Библиотеки поэта». Л., 1972, с. 35; а также в комментарии В. Э. Вацура (там же, с. 228–229).

12.

Путевые записки во Святый град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию.

13.

Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим, сочинение графа Николая Адлерберга. СПб., 1853.

14.

Путешествие с детьми по Святой Земле. Перевод с франц. с изменениями и дополнениями. Изд. 2, исправленное и

дополненное, в 3-х частях, с 48 видами, гравированными на стали и отпечатанными в Париже. Издал А. Ф. Фариков. СПб., 1849.

15.

Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим, с. 247–248.

16.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем.

17.

ОР РНБ. Ф. 531 (А. С. Норова). Д. 164.

18.

Современник, 1859, т. 78, № 12, с. 277–290. Подпись: А.Д.

19.

Печатались отдельными очерками в различных изданиях: «Из Иерусалима в Кайфу» (Наше время, 1861, № 27), «Десять дней в Кайфе» (Московские ведомости, 1862, № 50), «Иордан и Мертвое море с русскими поклонниками» (Библиотека для чтения, 1863, № 12), «Из Яффы домой» (Русский вестник, 1867, № 7, 9).

20.

Тиханов Павел Никитич (1839–1905) – родился в Брянске в семье чиновника Брянского арсенала, учился в Брянском уездном училище, Калужской губернской гимназии, на юридическом факультете Казанского университета. Высшего образования не закончил, отчислен в 1865 г. по собственному желанию. Посвятил жизнь собиранию и изучению памятников древней письменности, занимался церковной археологией, историей. Средства к существованию добывал литературными занятиями: сотрудничал в «Саратовских губернских ведомостях» (1867–1868), «Эстляндских губернских ведомостях» (1869–1870), «Саратовском справочном листке» (1872), «Правительственном Вестнике» (1873–1888), был корректором и редактором «Общества любителей древней письменности», издавал газету «Брянский вестник» (1894–1897). Был правителем Черниговской губернской ученой архивной комиссии (1897–1901), с 1902 г. – вольноотрудающийся в Русском отделении Императорской Публичной библиотеки. (Сведения приведены по исторической справке к описи его собрания в Рукописном отделе РНБ.)

21.

Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова / Сост. И. А. Бычков. Вып. 1 // Приложение к Отчету Императорской публичной библиотеки за 1897 г. СПб.,

22.

Об истории вопроса до начала XVIII в. см., например: Восточный вопрос во внешней политике России, Носенко Т. В. Конфликт вокруг Святых мест в Иерусалиме и политика России, с. 613–616; Успенский Ф. И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997; Rock A. The Status Quo in the Holy Places.

23.

См.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. М., 1955, с. 352–353.

24.

Век Екатерины II, с. 212.

25.

Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I, с. 604.

26.

Дибич Иван Иванович (1795–1831) – граф, генерал-фельдмаршал, с начала 1829 г. главнокомандующий русской армией на Балканах, за победу в русско-турецкой войне 1827–1829 гг. удостоенный почетного звания

«Забалканский».

27.

Восточный вопрос во внешней политике России, с. 94.

28.

Собрание трактатов и конвенций, т. 4, ч. 1, с. 339.

29.

См. подробнее, например: Anderson M. Russia and the Eastern Question; Восточный вопрос во внешней политике России; История внешней политики России; Киняпина Н. С. Внешняя политика России. Первая половина XIX в. М., 1963; Фадеев Л. Н. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958; Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир; Шпиро О. Б. Освобождение Греции и Россия.

30.

Путешествие ко Святым местам в 1830 году, с. 104.

31.

Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. Цит. по: <http://www.hronos.km.ru/dokum/1829adrian.html>.

32.

Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле, с. 56. Д. Дашков указывает сумму «до семи миллионов левов (более 4,5 млн. рублей)», возможно, эта сумма включает и деньги на подкуп должностных лиц (Русские поклонники в Иерусалиме, с. 22). «В письме К. М. Базили А. Н. Муравьеву от 3 июня 1839 г. указаны следующие данные: долги Святого Гроба «ростирались до 16 миллионов пиастров (более трех миллионов рублей) и коих теперь остается менее 2 миллионов пиастров». – Переписка К. М. Базили и А. Н. Муравьева // Православный Палестинский сборник, вып. 3. М., 2005, с. 42.

33.

См.: Гоцкалюк Д. Пространная история Иерусалимской церкви, с. 3.

34.

Хитрово В. Н. Православие в Святой земле, с. 56. Ср. с данными в работе Д. Гоцкалюка (перевод с греч. книги Хризостома I «История Иерусалимской церкви»): в Палестине арестовывали имущество Братства Святого Гроба и паломников, требуя уплаты долга; с помощью Вселенского патриарха Констанция I (1830–1834) удалось добиться полного снятия процентного роста под обязательство погасить задолженность в течение 10 лет.

В 1832 г. патриаршим указом на каждого православного грека был наложен налог в размере 1 гроша для уплаты долгов Братства Святого Гроба, почти всех иноков Братство разослало для сбора милостыни в православных державах (Пространная история Иерусалимской церкви, с. 3–4).

35.

Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме, с. 27.

36.

Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году, с. 126–127.